

Ленд-Ровер Чи Чэна, окутанный вихрем яростных потоков воздуха, с визгом затормозил у общежития. Шины с коротким, резким воплем прочертили асфальт, встав впрытик к знакомому черному Мерседесу.

Он даже не заглушил мотор. Двигатель утробно рычал, вторя его собственному, с трудом сдерживаемому состоянию. Чи Чэн решительно вышел из машины, зажав в пальцах тлеющую сигарету, которая ярко вспыхивала и гасла в полумраке уличных фонарей. Он направился к Мерседесу, достал запасной ключ и без колебаний нажал на кнопку сигнализации.

Уа-уа! Уа-уа!

Пронзительный, режущий слух вой разорвал ночную тишину, словно стальное шило, вонзившись в барабанные перепонки У Совэя, который в этот момент корпел над учебниками в одном из окон общежития.

— Черт! — У Совэй вздрогнул, и ручка едва не вылетела у него из рук.

Выругавшись, он вскочил и бросился к окну, выглянул наружу — и сердце ушло в пятки. Внизу, ослепительно мигая красными огнями и издавая душераздирающий вой, стояла его драгоценная машина!

— Да чтоб тебя! — Ярость, подобно раскаленной лаве, ударила в голову. Не раздумывая, У Совэй пнул стул и вылетел из комнаты. Какой еще слепой ублюдок посмел тронуть его тачку? Он вывернет этого мерзавца наизнанку, чего бы это ни стоило!

Преодолевая лестничные пролеты по два-три шага, он выскочил на улицу и, пылая гневом, бросился к своей машине. Однако, заметив высокую фигуру, небрежно прислонившуюся к дверце Ленд-Ропера, он резко затормозил.

Чи Чэн.

Тот стоял, расслабленно опираясь на машину, с сигаретой в зубах. Струи дыма размывали его глубокий, пронзительный взгляд, но исходящая от него мощная аура истинного альфы высшего ранга давила на окружающих, словно физический груз, не терпящий возражений.

Сердце У Совэя сжалось, словно невидимая рука стиснула его в кулак. Инстинктивно захотелось развернуться и бежать прочь из этого удушающего пространства.

— У Совэй! — голос Чи Чэна, низкий и пробирающий до костей, подобно ледяному кнуту, хлестнул по отступающему парню. — Ты, черт возьми, думаешь, есть смысл постоянно от меня бегать?!

Не дожидаясь ответа, Чи Чэн бросился вперед с грацией леопарда. Одним широким шагом он

сократил дистанцию, и его крепкая, сильная рука, словно стальные клещи, сомкнулась на запястье У Совэя. Хватка была такой, что вырваться было невозможно.

Они оказались вплотную друг к другу. Воздух между ними наполнился столкновением двух стихий: властным, холодным ароматом кедра, исходящим от Чи Чэна, и чистым, стойким запахом бамбуковой рощи после дождя, присущим У Совэю. В ледяном противостоянии внезапно разлилась едва уловимая, тягучая двусмысленность.

Жар, исходящий от запястья, и знакомое давление заставили внутренние тревожные колокола У Совэя забить тревогу. Он резко вскинул голову, словно разъяренный зверь, и, упрямо выпятив подбородок, огрызнулся:

— Когда это я от тебя бегал? У меня дела в университете! К тому же... — он намеренно сделал акцент на словах, пытаясь воздвигнуть стену холодности, — наши нынешние отношения можно назвать разве что знакомством незнакомцев! Чи Чэн, веди себя прилично!

— Незнакомцы? — в глазах Чи Чэна закипел шторм, последняя капля терпения испарилась. Он резко сжал пальцы, а другой рукой, с непреодолимой силой, обхватил У Совэя за шею — властный захват, заставляющий смотреть только на него.

Чи Чэн наклонился, их носы почти соприкоснулись. Смотреть друг другу в глаза так близко и так спокойно... Это чувство казалось чем-то из прошлой жизни; казалось, будто их последняя близость была лишь тусклым, выцветшим воспоминанием.

Глядя в эти упрямые, но по-прежнему ясные глаза, Чи Чэн почувствовал, как ярость в его груди странным образом утихает. Его голос невольно смягчился, в нем проскользнула усталость и мольба, которую он и сам не осознавал:

— Вэй-вэй... — он произнес это давно забытое прозвище, словно вздохнул, и притянул парня ближе. Широкая ладонь по-отечески, успокаивающе погладила взъерошенные, вечно торчащие волосы на макушке У Совэя. — Мы можем... просто нормально поговорить?

Объятия были такими знакомыми — теплыми и крепкими, с ароматом холодного кедра. У Совэй на мгновение застыл, но тут же с силой оттолкнул его, разрывая эту пугающую близость. Он поднял руку и ткнул пальцем в крепкую грудь Чи Чэна, прямо туда, где билось сердце.

Он сделал шаг вперед, его взгляд был остр, как лезвие, заставляя Чи Чэна отступить и присесть на холодный капот Мерседеса.

— Хорошо. Тогда ответь мне прямо сейчас, — голос У Совэя был тихим, но каждое слово вбивалось, как гвоздь, — кто, черт возьми, занимает место в твоём сердце?!

Чи Чэн сидел на капоте; холод металла просачивался сквозь тонкую ткань рубашки, создавая

резкий контраст с жаром, плававшим внутри. В следующую секунду он рывком притянул У Совэй за узкую талию, зажав его между своих ног. Он склонил голову и уткнулся лицом в теплую впадину шеи парня.

— Вэй-вэй... — глухо пробормотал Чи Чэн, и в его голосе сквозила почти религиозная хрипота. Каждое слово, казалось, вырывалось из самых глубин его груди, тяжелое и отчетливое. — В моем сердце... — он замолчал, сжимая объятия еще крепче, — больше нет свободного места. Оно забито до отказа, и там есть только ты, У Совэй.

А остальные? Да пусть катятся к черту!

Он глубоко вдохнул. Феромоны У Совэй — чистые, стойкие! Словно холодный, живительный родник, внезапно обнаруженный в глубине душной, безнадежной трясины. Они обладали смертельным очарованием и бросали ему вызов, перед которым он не мог устоять. Аромат наполнил его чувства и странным образом погасил последние искры беспокойства.

У Совэй был потрясен его внезапной близостью и почти признательными словами. Его тело слегка напряглось. Он подавил нахлынувшие эмоции и холодно спросил:

— Хорошо. Тогда ответь мне — он отстранил голову Чи Чэна от своей шеи и впился взглядом в его глубокие глаза, — что за история с этим Маленьким Укусным Мешочком?!

Имя «Маленький Укусный Мешочек» сработало как выключатель, моментально напомнив Чи Чэну о цели его визита. Он вспомнил, зачем прибег к столь радикальному способу выманить У Совэй.

Чи Чэн обхватил лицо У Совэй ладонями. Его пальцы с легкими мозолями нежно погладили нежную кожу, а в глазах читалась невиданная доселе серьезность и спешка:

— Вэй-вэй! Ты разве не заметил... разницу между ними двумя?

У Совэй встретился с его горящим взглядом и кивнул:

— Заметил. Многие вещи и люди кажутся одновременно знакомыми и чужими. Это сбивает с толку.

— Вот именно! — Чи Чэн слегка надавил большим пальцем, приподнимая подбородок У Совэй, заставляя его лучше видеть в своих глазах беспомощность и... редкую, чуть наигранную обиду? — Существование Маленького Укусного Мешочка не означает, что у меня с Ван Шо что-то было!

У Совэй был застигнут врасплох таким выражением лица Чи Чэна. На этом красивом, обычно холодном и высокомерном лице, которое привыкло смотреть на весь мир свысока, сейчас

проступила... обида? Пусть и слегка наигранная, но сердце У Совэя невольно, предательски дрогнуло! Черт возьми! Когда он видел такого Чи Чэна? Даже если это была игра, она действовала безотказно.

Заметив, как в глазах У Совэя промелькнуло смятение и мягкость, Чи Чэн наконец выдохнул. Уголки его губ едва заметно дрогнули в торжествующей улыбке, а расчетливость в глазах сменилась всепоглощающим собственничеством.

Не давая У Совэю шанса на дальнейшие допросы или возражения, Чи Чэн резко притянул его за талию, а другой рукой властно зафиксировал затылок. С непреодолимой силой его горячие губы накрыли губы У Совэя в жадном, грабительском поцелуе.

— Мгх...!

Недосказанные слова У Совэя утонули в горле, когда мощная сила втянула его в эти долгожданные, все еще властные объятия. Дыхание смешивалось в жарком сплетении. Рука Чи Чэна, сжимавшая талию, резко дернула, и, потеряв равновесие, они повалились на просторное заднее сиденье Ленд-Ровера.

Чи Чэн пнул дверцу, и она с грохотом захлопнулась, отрезая их от внешнего мира.

После короткого головокружения У Совэй пришел в себя, и с его губ сорвалась насмешливая усмешка. Благодаря телу альфы, в тот момент, когда Чи Чэн навалился на него, пытаясь полностью подчинить, У Совэй резко напрягся, перехватил его крепкую руку и одним ловким движением перевернулся, прижав застигнутого врасплох Чи Чэна к холодному стеклу окна!

Ситуация мгновенно изменилась. В глазах У Совэя вспыхнуло пламя непокорности. Он наклонился и впился в губы Чи Чэна с еще большей яростью. Этот поцелуй был пропитан агрессией и жадой реванша — это больше не было подчинением, это был захват!

Его техника поцелуя была грубой и первобытной, но в ней кипела накопившаяся обида, тоска и такое же жгучее желание. Он был словно изголодавшийся волк, захватывающий территории, а кончик его языка, обжигающий, как пламя, яростно отвечал на натиск Чи Чэна, даже переходя в контратаку.

В тесном салоне машины воздух, казалось, воспламенился. Тяжелое дыхание, звуки влажного сплетения губ и языков, перемежающиеся с едва слышными, подавленными стонами... В тишине замкнутого пространства эти звуки многократно усиливались, сплетаясь в невидимую сеть, которая крепко связывала их обоих.